

Колдовские *Миры*
ГАЛИНЫ ГОНЧАРОВОЙ

ГАЛИНА ГОНЧАРОВА

Волк
по имени Зайка

Москва

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г65

Разработка серийного оформления
Ф. Барбышева, А. Саукова

Иллюстрация на переплете *А. Дубовика*

Гончарова, Галина Дмитриевна.

Г65 Волк по имени Зайка / Галина Гончарова. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 480 с. — (Колдовские миры).

ISBN 978-5-699-88303-5

Когда все твердят, что ты — позор семьи, жених изменил, а нужная ипостась никак не прорезается, что остается делать приличной девушке-оборотню? Только сбежать из дома.

Когда твоего отца убили, мать в опасности и тебя тоже хотят убить, что может сделать молодой лорд? Разумеется, временно отступить. Чтобы потом вернуться.

Но судьба любит шутки, и две дороги сливаются в одну. Куда она приведет знатного наследника и юную зайку-оборотня?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-88303-5

© Гончарова Г., 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

Зая

— Позор семьи, — говорит отец и щурит желтые глаза. — Как у меня могло родиться... такое?

— Позор семьи, — вздыхает мама. — Как у нас могло такое получиться?

— Позор семьи, — твердит сестра. — Да глядя на тебя, меня никто замуж не возьмет.

— Позор семьи, — прищуриваются братья. — Да глядя на тебя, от нас все девки сбегут.

— Ты — позор своей семьи, — насмешливо ухмыляется подруга. — Кому ты нужна... такая?

— Это позорище? — усмехается Райшен, целуя плечи Лайсы. — Да кого она может заинтересовать? Ну, улыбался... так ведь дочка старейшины же. Вот и все... а так сама подумай — ты или она, и кто выберет эту уродину?

И улыбается. Солнце пляшет на серых прядях, а я чувствую себя безумно несчастной. Позор семьи — это я.

* * *

Все началось три года назад...

Наша деревенька невелика, всего человек сто. Два десятка семей. Небольшие хижины, делянки рядом с домами, крепкие коровники и свинарники, намного более крепкие, чем собственно дома. Таких деревенок три штуки на весь лес.

Больше и не надо, потому что населяем лес — мы. Обратни.

Три деревни состоят из трех видов оборотней. Оборотни-медведи, оборотни-волки и оборотни-лисы. Мы живем, охотимся, у нас рождаются дети... Когда ребенок вырастет, он получает вторую ипостась и уходит в свою деревню. Выходит замуж или женится, рождает детей и живет там до самой смерти. К сожалению, жизнь у нас не очень длинная. Все-таки лес, холода, да и охотники иногда забредают...

Мой папа — староста деревни волков. Вся семья у меня — потомственные волки. Все очень красивые, сильные, с серыми волосами и желтыми глазами, мускулистые и высокие.

Одна я — позор семьи.

Первые подозрения появились у мамы, когда мне еще не было пяти. Вот сестра и брат у меня правильные. Рослые, сильные. Сероволосые и желтоглазые. А я — маленькая, на голову ниже младшей сестры, светловолосая, голубоглазая. С тонкими ручками и ножками. Белокожая и совсем не мускулистая. Некрасивая...

Мама подозревала неладное, но молчала. А проблемы начались, когда мне стукнуло двенадцать.

Когда девочка роняет первую кровь, она становится оборотнем. Это праздник для ее семьи и для всей деревни, а потому первый оборот происходит на центральной площади.

Все собираются, поют, танцуют, пьют отвар оборот-травы — и перекидываются. Первым — именинник, потом все остальные, а дальше — бег по ночному лесу, первая охота, вкус крови на губах и ощущение счастья...

Райшен рассказывал мне об этом так живо, так ярко... И я мечтала.

Ровно до той минуты, как выпила отвар оборот-травы. Я ожидала многого... ожидала, что неведомая сила скрутит меня, поведет за собой — и я очнусь волчицей.

И скрутило.

Только вот беда — на земле вместо волчицы подня-

лась... ушастая белая зайка. Симпатичная, с голубыми глазками и длинными ушками, но... зайка.

Праздник был сорван.оборотное зелье больше никто не выпил. Мама срочно, от греха подальше, унесла меня домой и заперла в чулане. Я ведь зайка, то есть — дичь для любого перекинувшегося оборотня. Чего я наслушалась с той поры...

Позор семьи — это самое мягкое.

Сплетни, слухи, косые взгляды...

До вчерашнего вечера мне казалось, что это не имеет значения хотя бы для одного конкретного оборотня... казалось...

Райшен... Мой друг, мой приятель по детским играм, мой парень, с которым я впервые смотрела на звезды, впервые поцеловалась...

Он меня тоже предал.

Вчера мама отправила меня с девочками за червень-травой, растущей на болоте. Идти туда почти сутки, потом найти траву, собрать, отдохнуть и отправляться обратно.

Мое проклятое счастье распорядилось по-своему. Я распорола ногу, а восстанавливаюсь не так хорошо, как настоящие оборотни. Вот и пришлось вернуться домой за мазью, чтобы нога не опухла, — и я решила заглянуть заодно к Райшену. Поцеловать его, сказать, что люблю и что он самый-самый... Настоящий волк!

Высокий, мощный, сильный, красивый... и любит меня.

Райшен целовался с Лайсой.

Эта рыжая лисица из соседней деревни давно положила взгляд на Райшена и строила ему глазки, но Рай ею не интересовался. Мне так казалось...

А сейчас он целовал ее плечи, руки, и она смеялась.

— Ну зачем тебе нужна эта белобрысая уродина?

— Это позорище? — усмехается Райшен. — Да кому она нужна? Ну, улыбался... Так ведь она дочка старейшины. Вот и все... а так сама подумай — ты и она, кто выберет эту уродину?

И у меня темнеет в глазах.

Я вижу, как платье Лайсы ползет вниз, как Райшен обхватывает ее за талию... Неужели ему нужно только это?! Мы ведь не... а ему надо было... за что?!

Я смотрю до того мига, как раздается полный блаженства стон Лайсы, а потом прижимаю руку к губам, чтобы не заорать в голос, — и бросаюсь домой что есть мочи.

Ноги моей больше не будет в Лесу!!!

Отцу с матерью я не нужна, братьям и сестрам без меня будет лучше, а Райшен...

НЕНАВИЖУ!!!

По счастью, мне никто не встретился, иначе побег не состоялся бы. Я была в ужасном состоянии, меня трясло, по рукам волнами пробегала белая шерсть — я утрачивала контроль над ипостасями...

Дома тоже никого не было.

Что взять с собой?

Практически ничего. Я не смогу нести большой груз в обличье зайца, а другое, человеческое... Слишком долго и трудно в нем будет идти.

Поэтому — небольшой мешочек на кожаном шнурке. В него полетели несколько серебряных монеток — даже тут я неправильный оборотень. Меня не жжет серебро, как других, я спокойно беру его в руки. Порошок из корня жив-травы — сильная штука, мертвого на ноги поднимет. Мама говорила, что люди за него десятикратный вес золотом дают и считают — дешево. Просто собирать траву надо одну ночь в году, да еще с условиями и оговорками, и растет она не везде.

Ничего, мне пригодится.

Взглянула на свои руки, оскалилась не хуже волчицы.

Колечко Райшена. Обручальное, мы этой осенью должны были... Мразь!!!

Зато золотое. Тяжелое. Заберу его с собой — продам, а то и выкину. Нечего ему будет Лайсе дарить! Поделом тебе, скотина блохастая!

Скидываю платье. Увы, оборотни не могут перекидываться в одежде. Мы переходим из формы в форму совершенно нагими. Говорят, раньше были полиморфы, которые перекидывались в кого хотели, в одежде или без, — но они давно вымерли. А мы... Я — вообще позор семьи.

Платье запихнуть в мой сундук — из него ничего не возьму. Ни засушенные цветы, ни лично сшитые платья — приданое, чтоб ему... Главное, чтобы сразу побег не обнаружили.

Выйти из дома на задний двор — благо никого нет рядом, чутье у меня не хуже волчьего, оно рассказывает, кто и где находится. Но сельчане все разбрелись, занимаясь своими делами. Тем лучше...

А теперь сосредоточиться.

Впрочем, даже этого не требуется. Секунда, в глазах темнеет — и все кончено. На грядках сидит ушастая белая зайка. Я смотрю на свои лапки и нехорошо усмехаюсь. И — срываюсь с места.

Прощай, деревня. К вечеру я уже буду очень далеко отсюда, а хватятся меня дня через три. Не догоните...

Коллин

«Сын!

Ваша мать умерла, и требуется Ваше присутствие на похоронах.

Прошу Вас приехать незамедлительно.

Лорд Ройл».

Пальцы сжались в кулаки, сминая хрупкий листок. Мразь.

Своего отчима я ненавидел всегда. Кажется, я уже родился с этой ненавистью. Или она появилась чуть позднее...

Не знаю, с чего так. Вроде бы отец считал его своим другом, названным братом, а мне лорд Эдвин Ройл был

противен. Неприятны были его темные, навывкате глаза, его мясистые красные губы, прячущиеся в окладистой бороде, его толстые пальцы, постоянно шевелящиеся, похожие на жирных червей...

Я первый пустил в ход прозвище «лорд Рыло», и оно прилипло хуже дерьма к подошве. Тогда это были детские проказы.

Потом было хуже.

Мне было десять лет, когда погиб отец. Погиб странно и нелепо. Случайный выстрел на охоте — и стрела спутала отца с оленем. Или стрелок?

Я жизнь готов был поставить на второе, но найти негодяя не удалось. Никто не признался, а стрела оказалась не помеченной. Твари!

Я был провозглашен лордом Торвальд-холла, а мать надела траур.

Она словно потухла тогда. Всегда веселая, живая, искристая, теперь она напоминала Снежную королеву. Каштановые волосы поседели за одну ночь, голубые глаза запали, она сильно осунулась... И все равно была красавицей. Даже сейчас, во всем черном, — красавицей.

И лорд Рыло зачастил к нам. Около года назад умерла его жена, и слуги шептались, что он забил ее до смерти, а сейчас положил глаз на маму. Я это понял сразу.

Но что я мог сделать?

Беда была в другом. Его назначили моим опекуном до совершеннолетия, а наступало оно в семнадцать лет. Семь лет мы должны были терпеть его, его визиты, взгляды, речи, всячески ублажать его, повиноваться и...

НЕНАВИЖУ!!!

Впрочем, я готов был простить ему многое — за маму. В ее присутствии он становился совсем другим. Он шутил, пусть неловко и неуклюже, читал ей стихи, приносил цветы, сладости, украшения... Мама чуть оживлялась в его присутствии — и одно это стоило моих стиснутых зубов.

Прошел год — и она перестала носить только черное и даже стала иногда улыбаться. Потом еще год — и она начала смеяться, и голос ее звенел иногда почти как прежде. А потом лорд Рыло сделал ей предложение.

Мама тогда пришла ко мне ночью.

— Сынок, нам надо поговорить.

Я пожал плечами. Пусть я ребенок, но я еще и лорд Торвальд, а потому отец воспитывал и учил меня с детства.

— Ты хочешь сказать, что выходишь замуж за лорда Рыло?

Мама вздохнула. Опустила голову.

— Ты не любишь его.

— Нет. А ты? — Этот вопрос требовал серьезного прояснения.

— А мне иногда кажется, что я могла бы... рядом с ним не быть счастливой, но и не быть такой несчастной.

— По сравнению с отцом он...

— Не надо, Колли. — *Колли*. Так меня называла только мама — и только наедине. Это было нашей тайной даже от отца. — Лорда Ройла действительно нельзя даже отдаленно сравнить с твоим отцом. Но...

— Но ты еще молода. И хочешь попробовать стать счастливой.

— В кого ты у меня такой умный?

— Я и сам порой задаюсь этим вопросом, — поддразнил я маму. — Я не стану возражать.

— Да?

— Я хочу видеть тебя счастливой.

Мама подарила мне поцелуй. Крепко обняла, мы посидели в темноте и тишине...

— Ты у меня замечательный, малыш. И так похож на отца...

Она всхлипнула и ушла.

Свадьба была пышной. Мать старалась улыбаться, лорд Рыло выглядел откровенно довольным, гости пили и орали тосты за здоровье молодых и потомство...

Я молчал и наблюдал.

Все ведь хорошо, так?

Разве не так?

«Не так» проявилось вскоре после свадьбы.

Лорд Рыло был бесплоден — так шептались окружающие. У него было уже две жены — и ни одна не подарила ему наследника. Не смогла и мама, хотя очень старалась. Я знал. Лорд поднимался в ее спальню каждую ночь — и оттуда неслись стоны. Сначала — удовольствия. Потом они все чаще становились болезненными, но вмешаться я не мог.

Из замка удалялись старые верные слуги, в нем становилось все больше людей лорда Рыло, роптали гвардейцы, а я ничего не мог сделать. Он — опекун. И ведь дела он вел хорошо. Не воровал — я мог это проверить. Но и...

Убивайте меня — лорд Рыло был с гнильцой.

Мать опять стала печальной, под ее голубыми глазами темнели черные круги, а на запястьях, которые она прятала под длинными рукавами, появились синяки. Лорд Рыло винил ее в том, что она не могла понести ребенка, — приводил в пример меня и все чаще смотрел очень нехорошим взглядом. словно примериваясь поверх арбалета.

Мама опять пришла ко мне ночью, когда лорд Рыло напился и уснул. И на ее лице был уродливый синяк.

— Он? Убью!

Я рванулся вскочить. Да, мне всего тринадцать лет — ладно, почти тринадцать! — но я знаю, куда бить. И рука у меня не дрогнет — полоснуть гада по сонной артерии, чтобы он захлебнулся своей помойной кровью!

Мама схватила меня за руку.

— Сядь, Колли.

И я повиновался. Что-то страшное было в ее голосе.

— Нам надо серьезно поговорить.

— Слушаю.

Я до боли сжал одеяло в кулаках. Спокойствие, Ко-

лин, спокойствие. Ты уже взрослый, тебе не пристало орать, как сопливой девчонке.

— Ко мне сегодня пришла женщина.

— И?

— Это... *его* женщина.

Я не сразу понял, но потом вспыхнул гневом.

— Ты... и он сейчас...

— Нет. Выслушай до конца. — Мама смотрела грустно и твердо. — Он спал с ней, когда ухаживал за мной, но потом бросил, выкинул, как дешевую вещь. И она в обиде на лорда. Сейчас у нее все хорошо, она выходит замуж и уезжает отсюда.

— Они больше...

— Не встречались. Но она была служанкой в его замке. Постельной служанкой...

Я кивнул. Об этом я тоже знал. Личная служанка лорда, которая следит за его постелью, а если он пожелает... Почему-то всегда постель ему застилали очень молодые и хорошенькие девушки.

— Что она рассказала?

Вместо ответа мама выложила на одеяло стрелу. Простую такую... арбалетную, с белым оперением, знакомую до мельчайших деталей... только на той оперение было красным от крови.

Минуту я молчал, потом поднял глаза на маму.

— Я убью его.

— И я не стану возражать, — мама усмехнулась холодно и жестко. — Но не сейчас.

— Почему?

— Потому что доказать ничего не удастся. И ты умрешь вслед за ним.

Я на миг задумался. Законодательству меня учили намного меньше, ведь лорд и есть закон на своей земле. Но сначала земля должна быть, ее надо охранять и получать доход. Право я только начинал изучать.

— Но стрела...

— Служанка захотела оклеветать господина — и только.

— Сходство?

— Она ее украла. Или нашла, или... ты сам понимаешь. Да. Для королевского суда ее слова — не доказательство.

— Для меня этого хватит. И этого. — Я кивком показал на мамин глаз.

— И все же ты будешь пока молчать. Как и я. Не знаю, на сколько меня хватит. Он уже винит меня в своем бесплодии. — Мама смотрела жестко, и я понял, что характер у меня не только от отца. Моя нежная, слабая и хрупкая мама могла быть не менее решительной и жестокой, если хотела, а сейчас она хотела.

— А что я тогда буду делать?

— С этой женщиной и ее мужем я передала письмо. Моему двоюродному брату Филипу.

— И?

— Я попросила взять тебя в оруженосцы и всему обучить. Я хочу, чтобы ты убил Рыло, но убил так, как не смог он. Как дворянин и честный человек.

— Ты думаешь, ей можно доверять?

— Ее ненависть сильна, — усмехнулась мама. — Общие друзья и общие враги сближают, запомни это.

— Я запомню.

— Она рассказала мне о смерти моего мужа. Рыло планировал это давно, очень давно. Он всегда завидовал твоему отцу. Всегда...

И я поверил.

— Филип придет, заберет тебя отсюда, и я не буду бояться...

— А ты?

— А я пока останусь. Пока он надеется получить от меня ребенка — он не причинит мне вреда. Но когда его надежда будет угасать...

— Я не оставлю тебя в его лапах.

— Никто не даст мне развода, Колли.

— А умереть от побоев лучше?!

— Нет, мальчик мой. Но я надеюсь продержаться, по-

ка тебе не исполнится семнадцать. А ты тем временем должен стать сильным. Ради меня. Ради своего отца, чтобы его род не прервался.

Я смотрел на мать — и чувствовал гордость. Мама у меня замечательная.

— Дай слово, что ты напишешь, если нужна будет помощь.

— А вот о письмах мы сейчас и поговорим. Как я буду к тебе обращаться, какие будут условные знаки...

Мы проговорили всю ночь. Утром мама не вышла к завтраку и на следующий день тоже. А еще через два дня приехал Филип.

Вот он мне понравился сразу. Высокий, с каштановыми волосами, как когда-то у мамы, с ясными синими глазами и широкой улыбкой, он приветствовал меня, хлопнул по плечу Рыло и заявил, что забирает племянника.

Рыло попытался возмущаться, но тут же получил щелчок по носу. Дело в том, что я-то — лорд наследственный, Филип — тоже, а Рыло — всего лишь жалованный. И я у него быть оруженосцем никак не могу. Не по статусу...

А пора бы, пора...

Филип добавил, что король охотится тут неподалеку, так что можно обсудить вопрос с ним, хоть сейчас поедем, — и Рыло смирился, только глазами сверкнул. Пробормотал, что дорогой гость окажет ему честь, оставшись на пару дней, но куда там...

Филип ломился как медведь сквозь камыши — только треск стоял. Он тут же заявил, что ему некогда, что ребенка он забирает с собой сегодня же и мы уезжаем — он, дескать, в королевской свите, так что еще успеет представить племянника королю.

Дружески поприветствовал маму, которая вышла к нему, поцеловал в щеку, а потом заметил следы от пальцев — и вспыхнул гневом.

Я не знаю, что он сказал Рылу. Но судя по тому, что мамины глаза светились насмешкой, а Рыло стоял бе-